

К. Г. Шаховцов

ТЕРМИНЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЮЖНЫХ СЕЛЬКУПОВ (по документам XX века)

Работа представлена отделом Севера и Сибири ИЭА РАН.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Д. А. Функ

В статье представлены в хронологической последовательности и контексте их бытования термины, на протяжении XX в. использовавшиеся в государственной статистике, управленческой практике и научной литературе для обозначения этнической общности, в настоящее время именуемой южными селькупам. Показана тенденция к замене терминов самоидентификации официально утверждаемыми «правильными» наименованиями.

Terms that were used during the 20th century in official statistics, administrative practice and scientific literature to denote the ethnic group, now known as the Southern Selkups, are presented in the article in chronological order and context of their usage. The trend to replace the terms of self-identification with the officially approved «correct» ones is also demonstrated.

В течение XX в. этническая общность, именуемая в настоящее время южными селькупам, обозначалась в разного рода официальной документации неоднократно сменявшимися терминами, отражавшими господствовавшие в тот или иной период в СССР и России подходы к отнесению лиц к категории «коренного населения». Целью настоящей статьи является представление хронологической последовательности таких терминов и контекста их бытования.

Анкета Всероссийской переписи населения 1897 г. не содержала вопроса об этнической принадлежности (национальности)¹. Сведения о национальности сибирских инородцев, приводимые С. К. Паткановым, были получены им на основании ответов на вопрос о родном языке и анализа дополнительной информации. В таблицах по Томскому и Енисейскому округам С. К. Патканов использует наименование *остяко-самоеды* либо *самоеды (остяки)* для различения селькупов и *остяков угорских* (хантов) и *енисейских остяков* (кетов) соответственно. При рассмотрении же национального состава населения Сургутского округа он использует наименования *остяки* и *самоеды* без каких-либо уточнений.

В число задач произведенного в 1910–1911 гг. статистико-экономического обследования Нарымского края не входило выявление национального состава населения²: для деятельности администрации более существенной была информация о его сословной принадлежности. Поэтому в итоговом документе обследования все население Нарымского края было сгруппировано по сословиям (мещане, крестьяне, инородцы) и по сроку проживания в данной местности (старожилы, новоселы), а населенные пункты были поделены на русские и инородческие. Однако следует отметить, что руководитель и исполнители обследования были осведомлены о неоднородности этнического состава инородцев, которых в написанном в 1927 г. предисловии В. Я. Нагнибеда именовал уже *туземцами* в соответствии с установившейся к тому времени терминологией³.

В 1920-х гг. после упразднения сословий в России термин *инородцы* постепенно вытесняется наименованием *туземцы*, который, будучи в ходу уже не менее 400 лет, не имел ярко выраженного сословного значения. Тем не менее политика государства в конце 1920-х — начале 1930-х гг. закон-

сервировала некоторые характеристики *туземцев*, которые можно считать сословными. К таковым относятся, например, туземные родовые суды, особый режим налогообложения и «нормы отоваривания».

М. Б. Шатилов, посещавший окрестности Нарыма в 1924 г., называл хантов *остяками*, а селькупов *самоедами* и *остяко-самоедами*, и опять же *остяками*⁴. В очерках Е. Н. Орловой коренное население в целом именуется *туземцами*, среди которых различаются по мере необходимости *остяки*, совокупно противопоставляемые по образу жизни *тунгусам*, затем уже внутри группы *остяков* различаются *остяко-самоеды* и *васюганские остяки*⁵.

Переписью населения 1926 г. в Сибирском крае были учтены 7980 *остяков* и 1595 *остяко-самоедов*, из которых в Томском округе числились лишь три (!) человека⁶. Очевидно, что южные селькупы и ханты, по-русски одинаково именовавшиеся и именовавшие себя *остяками*, были объединены в общую категорию переписного учета. В качестве *остяко-самоедов*, за исключением упомянутых трех человек, учтены представители северной группы селькупов.

Авторы проектов землеустройства туземных советов начала 1930-х гг. называют коренное население в целом *туземцами*, при необходимости различая среди них *остяков* и *ивенков* (эвенков). На Кети и особенно на Тыму землестроители фиксируют наличие среди *остяков* групп с различными самоназваниями (*сюсикум*, *шоешкуп*, *чумулькуп/чумал-гуп*). На Васюгане они, напротив, не различают селькупов и хантов, собирая их *туземцами* и *остяками*.

Все эти наименования и различия, однако, никак не отразились на деятельности органов власти, как центральных, так и местных, руководствовавшихся, как следует полагать, результатами переписи населения. Следствием этого, вероятно, надо считать объединение южных селькупов и хантов уже под названием «народа *хантэ* (*остяков*), обитающих в бассейнах рек Васюгана и Тыма» (курсив мой. – К. Ш.)⁷,

а также наименование созданного в конце 1932 г. Тымского национального района *хантэйским*⁸.

В документах Нарымского окрисполкома⁹ встречается наименование *туземцы* (*старожилы Сибири*), употреблявшееся в качестве более широкого понятия, чем *туземцы-остяки*, охватывавшего не только селькупов и хантов, но и *туземных татар* (в терминологии С. К. Патканова — *коренных тюрок*).

Следует отметить, что в середине 1980-х гг. В. И. Васильевым было зафиксировано употребление упоминавшихся выше названий *чумалгуп*, *чумол-куп* и других, созданных на основе самоназваний локальных групп селькупов, в актовых записях Каргасокского районного отдела ЗАГС в первой половине 1930-х гг. в основном «применительно к молодым семьям и молодым людям» (например, в записях о браках *чумалгунов* Л. П. Киярова и Г. Ф. Тобольжиной, *чумылькупки* Л. С. Пыршиной). «Практиковались они недолго (в течение всего лишь трех-четырех лет) и во многом формально. „Чумылькупами“, например, записывались порою не только подлинные носители этого самоназвания, но и все лица „остяцкого“ происхождения, жившие в указанное время в бассейне Тыма. Те же Кияров и Тобольжина (о которых шла речь выше) – выходцы с низовьев реки Кети (в районе Тогура) и прилегающей местности бассейна Оби, по своей этнографическо-диалектной принадлежности являлись не чумылькупами, а сюссекумами. Во второй половине 1930-х годов этнические самоназвания в качестве национальной принадлежности коренных жителей бассейна Тыма вновь исчезают из официальных документов. Их заменяют прежние термины „остяк“, „туземец“ (встречаются варианты „остяк-туземец“ и „туземец-остяк“).»¹⁰

Именно так – «по национальности туземец (остяк)» – сформулирована запись о национальной принадлежности в справке, выданной в 1935 г. первому председателю Нюрольского Туземного совета К. Г. Нес-

терову¹¹. Этот вариант обозначения в документации национальной принадлежности селькупов и хантов употреблялся на севере Томской области еще в течение нескольких десятилетий.

В. И. Васильев установил, что введенный в 1930 г. Комитетом содействия народностям Севера при ВЦИК СССР в качестве официального наименования народа¹² термин *селькуп* в записях актов гражданского состояния, сельских советов бассейна Тыма в предвоенные годы встречается лишь однажды: в 1933 г. в акте о рождении сына Иннокентия в семье К. И. и М. И. Сагандуковых (Напасский сельсовет) оба родителя записаны *сель-гунами*¹³.

В 1934 г. в Нарымском округе, по данным Окрисполкома, насчитывалось около пяти тысяч *остяков*, в число которых включались как селькупы, так и ханты¹⁴. К концу 1950-х гг. ситуация не изменилась: в 1958 г. З. П. Соколова обнаружила, что в похозяйственных книгах большинства сельсоветов селькупы и ханты значатся под общим наименованием *остяки*. В Парабельском сельсовете селькупы были записаны *туземцами*, так же как и ханты в Александровском¹⁵.

В целом же из приводимых З. П. Соколовой примеров «неправильного» наименования усматривается тенденция к замене термина *остяк* термином *хант*. Так, например, «работавшая в Верхне-Кетском районе плавучая поликлиника Томского облздравотдела при медицинском обследовании зарегистрировала селькупов этого района хантами, несмотря на протесты самих обследуемых», «хантами были названы нам селькупы Верхне-Кетского района также и председателем Верхне-Кетского райисполкома, а селькупы Оби (парабельские и нарымские) — и управляющим Рыбтреста г. Колпашево»¹⁶.

В наши дни информаторы-селькупы в разговорах вспоминают, что они или их родственники, получавшие паспорт в конце 1950-х гг., «побывали хантами»¹⁷, «отцу написали „хант” в паспорте»¹⁸.

В справках о выполнении Постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 16 марта 1957 г., направленных летом 1961 г. различными областными и районными организациями в Томский областной комитет КПСС, коренное население, в том числе селькупы, называется различными терминами, иногда в пределах одного документа.

В справках областных организаций в случае упоминания конкретных народов¹⁹ превалирует использование «правильных» — селькупы, ханты, эвенки — наименований, таковы, например, справки из обкома ВЛКСМ²⁰, областного Управления культуры²¹. Однако инспектор Томского обкома КПСС Е. Орлова в своей справке указала, что в ходе поездки в Каргасокский район «интересовалась вопросом жизни *остяков* и *эвенков*» (курсив мой. — *К. Ш.*)²². В итоговом отчете инспекционной бригады, в которую входила Е. Орлова, уже используются официальные «правильные» наименования народов: *манси, селькупы, ханты, эвенки*²³.

В документах райкомов КПСС, других районных организаций частично сохраняется традиционное для предыдущего периода словоупотребление: все коренное население кроме эвенков называется совокупно *остяками* («Справка [...] касающаяся для удовлетворения нужд народностей Севера *остяков, эвенков, находящихся в Верхне-Кетском коопзверопромхозе*»²⁴). Новые термины наиболее последовательно используют отделы народного образования²⁵.

Возможно, вследствие переименования в 1940 г. Остяко-Вогульского национального округа в Ханты-Мансийский и завершившейся при подготовке к переписи 1959 г. заменой наименования «остяки» на «ханты» и «селькупы» (начатой еще в 1930-е гг.) сложилось представление о том, что теперь всех «прежних остяков» правильно именовать хантами независимо от места расселения конкретной их группы. В качестве подтверждения этому можно привести, например, справку «О результатах обследования народностей Крайнего Севера, проживающих в Н. Васюганском и Айполовском с/с»,

содержащую формулировку «остяцкое население (ханты)»²⁶, далее по тексту названия хантами остяки Тагаевы, которых скорее следовало бы считать селькупам.

В актовых записях термин *селькуп* появляется на несколько лет позже, чем в бюрократической переписке: на основании изучения архивных материалов Каргасокского районного отдела ЗАГС В. И. Васильев установил, что во второй половине XX в. название *селькуп* впервые встречается в 1960 г.²⁷

К концу 1980-х гг. официальные наименования народов полностью вытеснили из административной практики прежние «неправильные» термины, а сами этнонимы стали употребляться только при необходимости конкретизации, в остальных случаях использовалось собирательное выражение *народности Севера*. Анализ имеющихся в моем распоряжении документов не выявил сколько-нибудь существенных различий в употреблении терминов для обозначения как КМНС, так и их представителей.

Использование термина *селькуп*, являвшегося изначально самоназванием одной из этнотерриториальных групп («собственно селькупов» в терминологии Ю. А. Морев), явилось источником «недоразумений как научного, так и практического характера, которые к тому же закрепляются на официальном уровне», поскольку зачастую вело к прямому или косвенному отождествлению «всей народности с отдельной этнотерриториальной группой»²⁸.

Как отмечал Ю. А. Морев, «в Томской области довольно часто встречаются метрические записи хантов селькупам, и наоборот; более того, по составу одной и той же семьи могут быть записи ее членов и „хант“, и „селькуп“, и „остяк“ с произвольными изменениями по разным годам. Встречаются и более значительные погрешности учета, например, в пос. Усть-Чижалка Каргасокского района Томской области в похозяйственных книгах местного совета за 1989 г. этнически чистые эвенки ...

Самаровы записаны как селькупы, тогда как по паспорту глава семьи Гавриил Павлович – эвенк, а его жена Федосья Михайловна – селькупка (хотя, по их собственному свидетельству, никаких родственных связей с селькупам не имели)»²⁹.

До настоящего времени сохраняется практика отнесения местных вариантов наименований и самоназваний этнических групп к «правильным» и «неправильным» на основании присутствия их в официальных перечнях и типовых формах государственной статистической отчетности. Все отсутствующие в таких документах, но по каким-либо причинам попавшие в отчеты сельских администраций варианты приводятся районными отделами статистики к «правильному» виду. Как правило, лиц «неправильных» национальностей причисляют к селькупам как к наиболее многочисленному КМНС в Томской области.

Всего за период с 1986 г. (более ранние сведения в районных архивах обнаружить не удалось) по 2003 г. выявлено 22 случая исправления сотрудниками районных отделов статистики первичных данных о численности КМНС. Впервые исправления встречаются в отчетах сельских Советов, поданных в 1987 г. Так, в отчете Копыловского сельсовета Колпашевского района народы Севера были представлены двумя *селькупам* и двумя *остяками*³⁰, однако в Колпашевском городском отделе статистики запись об *остяках* была вычеркнута, а численность *селькупов* увеличена до шести человек³¹.

В 16 случаях из 22 к числу селькупов механически были добавлены *остяки* (12 случаев), *юганцы* (4 случая), *карагазы* (2 случая) и даже *тунгусы* (1 случай). При этом следует отметить, что районные отделы статистики ни разу не отнесли *остяков* и *юганцев* к числу хантов.

В отличие от остальных лет в 1996 г. Каргасокский райотдел статистики не внес исправлений в отчеты Геологической и Средневасюганской сельских администраций, указавших наличие *остяков* и *тунгу-*

сов. Также в своде итогов по району не была исправлена и запись о двух *юганцах*, вероятнее всего, указанных в отчете Нововасюганской сельской администрации (четыре из пяти случаев попадания этого наименования в статистические отчеты относятся именно к ней). Однако в 1998 г. из данных по Геологической, Нововасюганской и Средневасюганской сельским администрациям были исключены упоминания об *остяках*, *тунгусах* и *юганцах*, но их численность была учтена при расчете общей численности КМНС в районе.

В шести случаях появления не предусмотренных утвержденным перечнем наименований этнических групп районные отделы статистики проигнорировали предоставленные сельскими советами/администрациями данные. По два раза были исключены из статистических отчетов *карагазы* в Верхнекетском районе и *юганцы* в Каргасокском, также не вошли в отчеты *тунгус* и *кумандин*.

Наиболее очевидно механический характер исправления «неправильных» первичных данных проявляется в Каргасокском районе, где помимо селькупов проживают более двухсот хантов и около тридцати эвенков, а «неправильные» наименования этнических групп используются в отчетах именно тех сельских администраций, на территории которых проживают как селькупы, так и ханты. «Если живые люди не помещались в таблицу, вопрос решался не в пользу людей, а в пользу таблицы»³².

Господствующее среди практических работников и части ученых представление о том, что «все люди без исключения должны распределяться без остатка по национальным „ячейкам“»³³, неизбежно ведет к искажению и изменению реальной палитры идентичностей, создавая фантомные общности, по отношению к которым затем принимаются практические решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Записки РГО по отделению статистики. СПб., 1912. Т. XI. Вып. 1. С. III.

² Нарымский край. Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеды. Томск, 1927. С. I.

³ Там же. С. II.

⁴ Шатилов М. Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского края // ТТКМ. 1927. Т. 1. С. 3–31.

⁵ Орлова Е. Н. Современное Васюганье // Жизнь Сибири. 1926. № 4. С. 66–81; Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. М., 1928.

⁷ Научный архив Томского областного краеведческого музея (далее НА ТОКМ). Оп. 3, Д. 197, Л. 1а.

⁸ Там же. Л. 2а.

⁹ Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 139а. Л. 4–5; Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 138. Л. 4.

¹⁰ Центр документации новейшей истории Томской области (далее ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 31. Д. 623. Л. 29.

¹¹ НА ТОКМ. Оп. 3. Д. 744, б/н.

¹² Васильев В. И. Селькупы Томской области: проблемы национального развития // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1985—1994 годы / Ред. З. П. Соколова, Е. А. Пивнева. М., 2007. С. 124.

¹³ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 623. Л. 29]

¹⁴ Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский язык). Ч. I: Селькупская грамматика. Л., 1935. С. 4.

¹⁵ Соколова З. П. Об этническом составе коренного населения севера Томской области // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1956—1958 годы / Ред. З. П. Соколова, Е. А. Пивнева. М., 2004. С. 317.

¹⁶ Там же.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

¹⁷ Полевые материалы автора, 2000.

¹⁸ Полевые материалы Д. А. Функа, 1999.

¹⁹ В значительной части документов используются собирательные выражения, такие как *коренные народности Севера* или *северные народности*.

²⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3100. Л. 15–17.

²¹ Там же. Л. 50–51.

²² Там же. Л. 35–42.

²³ Там же. Л. 87–96.

²⁴ Там же. Л. 71–72.

²⁵ Там же. Л. 61–65, 75–76.

²⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3100. Л. 23.

²⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 623. Л. 30.

²⁸ *Морев Ю. А.* Традиционное и новое в языке селькупов (этнолингвистические и социолингвистические аспекты) // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 145.

²⁹ Там же. С. 146.

³⁰ Архивный отдел Администрации Колпашевского района (далее АО АКР). Ф. 11. Оп. 1. Д. 745. Л. 43–43об.

³¹ Так в документе. АО АКР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 745. Л. 43–43об.

³² *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайтцер П.* Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004. С. 84.

³³ Там же. С. 70.